

Агата Кристи

За стенами

*Часть сборника
Доколе дитя свет (сборник)*

Доколе длится свет

Агата Кристи
За стенами

«ЭКСМО»

1925

Кристи А.

За стенами / А. Кристи — «Эксмо», 1925 — (Доколе длится свет)

ISBN 978-5-457-19251-5

«Первой существование Джейн Хоуворт обнаружила миссис Ламприер. Разумеется, этого следовало ожидать. Кто-то заметил однажды, что миссис Ламприер умудрилась стать самой ненавистой для Лондона особой, но это, полагаю, преувеличение. Бесспорно, она имела удивительный талант натекать на ту единственную вещь, о которой вы предпочитали помалкивать. У нее это всегда выходило чисто случайно...»

ISBN 978-5-457-19251-5

© Кристи А., 1925

© Эксмо, 1925

Агата Кристи За стенами

Первой существование Джейн Хоуворт обнаружила миссис Ламприер. Разумеется, этого следовало ожидать. Кто-то заметил однажды, что миссис Ламприер умудрилась стать самой ненавистной для Лондона особой, но это, полагаю, преувеличение. Бесспорно, она имела удивительный талант натывать на ту единственную вещь, о которой вы предпочитали помалкивать. У нее это всегда выходило чисто случайно.

На сей раз она зашла выпить чаю в студию Алана Эверарда. Тот время от времени устраивал такие вечера и в продолжение их с глубоко несчастным видом жался обычно где-нибудь в уголке, облаченный в какое-то ужасное старье, и позвякивал мелочью в карманах брюк.

Теперь вряд ли кто станет оспаривать гений Эверарда. Две самые знаменитые его картины, «Цвет» и «Знаток», принадлежавшие к раннему периоду его творчества и написанные до того, как он сделался модным портретистом, были в прошлом году приобретены государством, и этот выбор в данном случае не вызвал никаких возражений.

Но в то время, о котором я повествую, Эверарду едва начинали воздавать должное, и мы вполне могли приписать себе открытие его таланта.

Вечера-чаепития были затеей его жены. Отношение Эверарда к ней отличалось своеобразием. То, что он обожал ее, было очевидно, да и трудно было бы ожидать иного. Изобел словно создана была для преклонения. Но, казалось, он всегда ощущал себя в некотором долгу перед нею. Он позволял ей делать все, чего бы она ни пожелала, не столько даже из любви к ней, сколько по причине своей неколебимой убежденности в том, что у нее есть особое право делать все, что ей вздумается. Если подумать, то в этом нет ничего необычного.

Ибо Изобел Лоринг в самом деле была знаменитостью. Когда она появилась в свете, то стала признанной дебютанткой сезона. У нее имелось все, кроме денег, – красота, положение, изящные манеры, ум. Никто и не ожидал от Изобел, что она выйдет замуж по любви. Не из таких она была. Во втором сезоне перед ней уже открылись три возможности, три воздыхателя, – один наследник герцогского титула, один восходящий политик и один южноафриканский миллионер. И вдруг, ко всеобщему изумлению, она вышла замуж за Алана Эверарда – молодого художника, ничем не успевшего прославиться, о котором никто даже не слышал.

Полагаю, что, именно отдавая дань ее незаурядной личности, все продолжали называть ее Изобел Лоринг. Никому и в голову не приходило называть ее Изобел Эверард. Часто можно было услышать: «Видел Изобел Лоринг нынче утром. Да, с мужем, этим художником, молодым Эверардом».

Люди говорили, что Изобел «сама подписала себе приговор». Думаю, как раз наоборот: окажись на месте Алана любой другой, он был бы обречен при жизни называться просто «мужем Изобел Лоринг». Но Эверард оказался из другого теста. Талант Изобел к успеху не отказал ей и на этот раз. Алан Эверард сделал себе имя – он написал «Цвет».

Полагаю, всем известна эта картина: полоса дороги с вырытой близ нее канавой, развороченная ржаво-красная земля, блестящая поверхность крашеной коричневой канализационной трубы и великан-землекоп, опершийся для минутного отдыха на свой заступ, – геркулесова фигура в запачканных плисовых штанах и с алым платком на шее. В его глазах, глядящих на вас с холста, нет ни мысли, ни надежды, лишь немая, неосознанная мольба – это глаза великолепного бессловесного животного. Все полотно пламенеет оранжевыми и красными красками, слитыми в единую симфонию. О символизме картины, о том, что она выражает, писали много. Сам Алан Эверард утверждал, что он ничего не намеревался выразить. Ему, говорил он, до тошноты приелись эти бесконечные венецианские закаты, на кото-

рые он принужден был смотреть, и внезапно его охватило желание показать буйство красок чисто английского пейзажа.

Вслед за тем Эверард подарил миру эпическое полотно с изображением кабака под названием «Романтика»: темная улица под дождем, полуоткрытая дверь, огни, блеск стаканов, человек с лисьей физиономией, входящий в дверь, – маленький, серый, ничтожный, с жаждающим взором и алчно приоткрытыми губами, стремящийся скорее забыться.

По этим двум полотнам Эверарда окрестили живописцем «рабочего человека». Он занял свою нишу. Но не пожелал в ней остаться. Его третьей и наиболее блестящей работой явился портрет в полный рост сэра Руфуса Хершмана. Знаменитый ученый изображен на фоне лабораторных полок, тигелей и реторт. В целом картина обладала своего рода кубистическим эффектом, но линии перспективы сочетались необычным образом.

Теперь он завершил свою четвертую работу – портрет жены. Нас пригласили посмотреть ее и высказать свои замечания. Эверард хмурился и глядел в окно; Изобел Лоринг прохаживалась среди гостей и поддерживала непринужденную беседу, обмениваясь с ними точными и профессиональными, как всегда, рассуждениями о живописи.

Мы также высказались. Так было положено. Мы с восхищением отозвались о манере, в которой выписан розовый атлас. Такая трактовка, заметили мы, по правде сказать, изумительна. Никто до сих пор не писал атласа в такой манере.

Миссис Ламприер, которая, как я знал, была одним из самых толковых знатоков и критиков искусства, почти тотчас отвела меня в сторону.

– Джорджи, – произнесла она, – что он с собою сделал? Его вещь мертва. Она такая гладко-безличная. По-моему, это черт-те что!

– «Портрет леди в розовом атласе»? – осведомился я.

– Именно. Хотя техника превосходна. И какая тщательность! Той работы, что здесь проделана, хватило бы на шестнадцать картин!

– Слишком тщательная работа? – предположил я.

– Похоже на то. Если в ней что-то и было, то он это убил. Чрезвычайно красивая женщина в платье из розового атласа. Отчего было не сделать цветную фотографию?

– Действительно, отчего? – согласился я. – Полагаете, он сам это сознает?

– Разумеется, сознает, – ядовито отозвалась миссис Ламприер. – Разве вы не видите, как этот человек нервничает? Подобное, смею сказать, случается, когда начинают смешивать с делом свои чувства. Он вложил всю душу в портрет Изобел, потому что она – Изобел, и не сумел передать ее сути, потому что не хотел обижать. Он ей слишком польстил. Иногда, чтобы раскрыть душу, художнику приходится жертвовать внешней красотой.

Я задумчиво кивнул. Эверард не преувеличил внешних достоинств сэра Руфуса Хершмана, но ему незабываемо удалось передать на холсте личность этого человека.

– А ведь Изобел – такая сильная натура, – продолжала миссис Ламприер.

– Возможно, Эверарду не удаются женские портреты, – предположил я.

– Возможно, и так, – глубокомысленно подтвердила миссис Ламприер. – Да, может быть, в этом все дело.

И как раз вслед за тем она, с присущим ей гениально верным чутьем, вытащила из груды беспорядочно составленных на полу холстов один, повернутый лицом к стене. Всего холстов было штук восемь. Лишь по чистой случайности миссис Ламприер выбрала именно этот – но, как я уже говорил, с миссис Ламприер такое происходило сплошь и рядом.

Когда она повернула холст к свету, у нее вырвалось удивленное восклицание.

Он был незакончен – просто грубый набросок. Женщина, или скорее девушка, в возрасте не более двадцати пяти – двадцати шести лет, как мне показалось, сидела, слегка подавшись вперед и подперев рукою подбородок. Меня сразу же потрясли две вещи: необыкновенная живость портрета и его поразительная жесткость. Эверард написал его с какой-то

мстительной силой. Даже сама поза девушки казалась извращенной – она словно подчеркивала в ней всякий оттенок неуклюжести, грубости, всякий острый угол. Это был этюд в коричневых тонах – коричневое платье, коричневый фон, карие глаза с тоскливым, жаждущим взглядом. Жажда вообще была преобладающим настроением в картине.

Миссис Ламприер несколько минут молча разглядывала ее. Затем окликнула Эверарда.

– Алан, – позвала она. – Подите сюда. Кто это?

Эверард послушно приблизился. Я заметил, как лицо его залила краска досады, которую он не сумел вполне скрыть.

– Это всего лишь подмалевок, – промолвил он. – Не думаю, чтоб я взялся когда-нибудь довести его до конца.

– Кто она такая? – спросила миссис Ламприер.

Эверарду явно не хотелось отвечать, и его нежелание было для миссис Ламприер слаще меда, ибо она из принципа всегда была убеждена в самом худшем.

– Одна моя приятельница. Некто мисс Джейн Хоуворт.

– Я никогда не встречала ее тут, – заметила миссис Ламприер.

– Она не ходит на эти показы. – Он умолк на мгновение, потом прибавил: – Она крестная мать Винни.

Так звали его пятилетнюю дочь.

– В самом деле? – заинтересовалась миссис Ламприер. – А где она живет?

– В Бэттерси. На квартире.

– В самом деле, – повторила миссис Ламприер и осведомилась затем: – Что же она вам сделала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.